

ДВОРЕЦ, КОТОРЫЙ МОЖНО ЛОМАТЬ

Однажды жители города Бусто Арсицио не на шутку встревожились: уж слишком много стали ребята ломать и портить разных вещей.

Обувь, штаны и школьные сумки — это само собой, об этом уж никто и не говорит.

Но ребята начали крушить стёкла в окнах, играя в футбол, бить за обедом тарелки, бросать на пол стаканы в кафе.

Стены они не ломали только потому, что не попадались под руку молоток.

У родителей кончилось терпение, они не знали, что делать, и отправились за советом к мэру города.

— Давайте введём ещё один штраф! — обрадовался мэр.

— Нет уж, спасибо! — возразили родители. — Достаточно с нас и того, во что обходится битая посуда!

По счастью, в тех краях оказалось много бухгалтеров: каждый третий горожанин — бухгалтер, и притом превосходный знаток своего дела.

Но самым лучшим бухгалтером по праву считался старый синьор Гамберони.

У него было много внуков, и он по собственному опыту прекрасно знал, что получается, когда в доме перебита вся посуда.

Взял как-то синьор Гамберони бумагу и карандаш и подсчитал убытки, которые приносят ребята городу Бусто Арсицио, ломая бесконечное множество хороших и нужных вещей.

Сумма получилась чудовищная — тысяча-перетысяча четырнадцать и тридцать три!

— Если взять только половину этих денег, — объяснил бухгалтер своим землякам, — то можно построить дворец специально для того, чтобы ребята ломали его сколько им вздумается. Пусть хоть до основания снесут! И если даже это не излечит их от неукротимого желания всё ломать и портить, значит, ничто больше нам не поможет.

Предложение бухгалтера Гамберони понравилось, и Дворец, который можно ломать, возвели за «четыре плюс четыре на восемь и два на десять часов» — семь этажей и девяносто девять комнат.

И каждая комната Дворца оказалась прямо-таки забита всевозможной мебелью, а на шкафах и столах повсюду громоздились всякие безделушки и разная посуда.

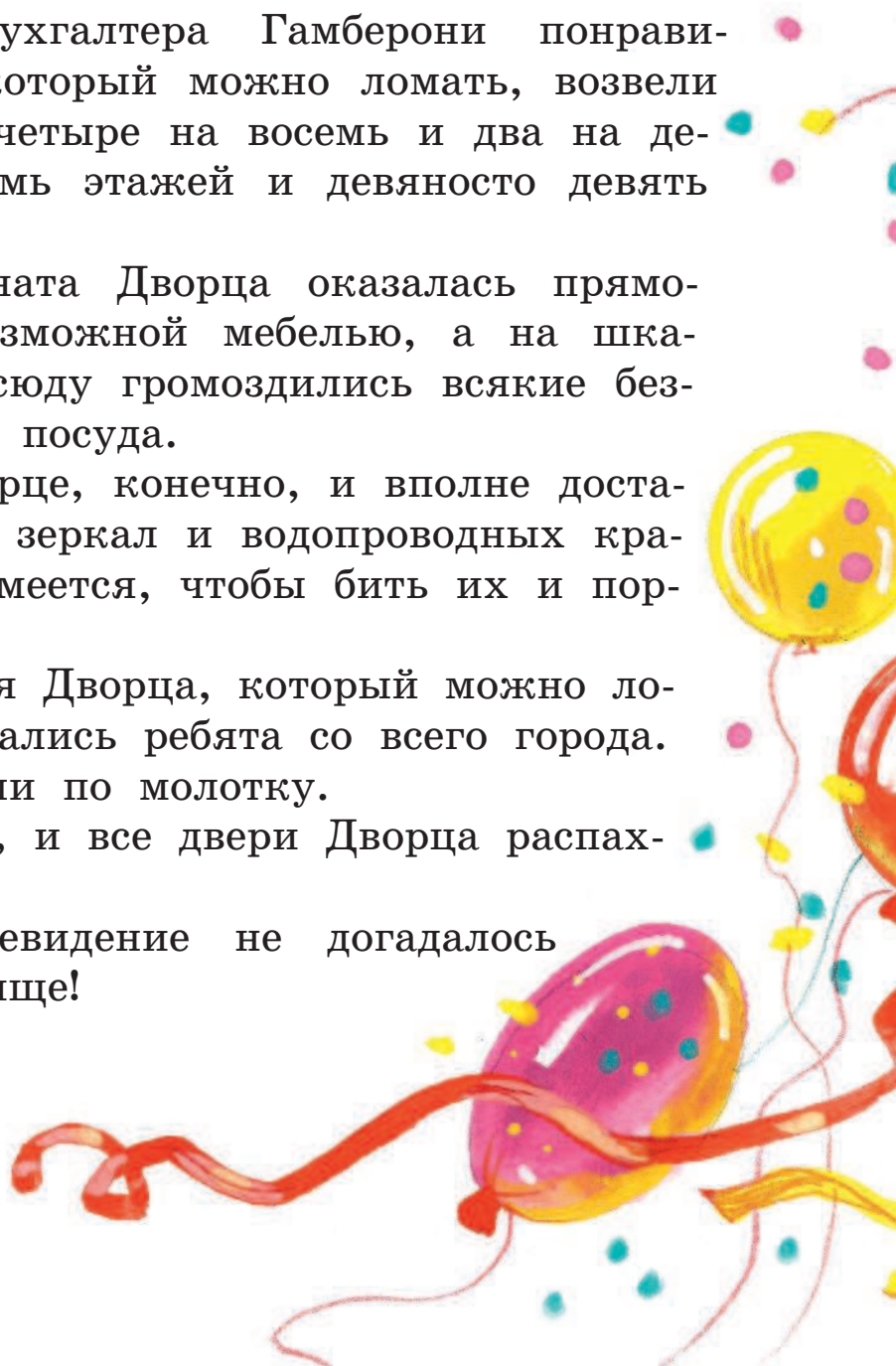
Имелось во Дворце, конечно, и вполне достаточное количество зеркал и водопроводных кранов — тоже, разумеется, чтобы бить их и портить.

В день открытия Дворца, который можно ломать, к нему собрались ребята со всего города.

Каждому вручили по молотку.

Мэр подал знак, и все двери Дворца распахнулись.

Жаль, что телевидение не догадалось показать это зрелище!

Те, кто видел его своими глазами и слышал своими ушами, уверяют, что можно было подумать — но даже подумать об этом страшно! — будто началась третья мировая война.

Толпа ребят, словно армия воинственных завоевателей, ринулась в здание, сметая на своём пути всё.

Дети заполнили все помещения Дворца, все комнаты.

Грохот от их молотков стоял такой, что его слышали по всей Северной Италии и, говорят, даже в Швейцарии.

Детишки, которые только-только научились ходить, усердно топтали осколки кофейных сервизов, превращая их в тончайшую фарфоровую пыль, а затем пудрились ею.

А ребята, что ходят в детский садик, такие славные и милые в своих розовых и голубых передничках, окружили огромные, словно эсминцы, шкафы, тоже старательно долбили их молоточками и в конце концов превращали в кучу щепок.

К концу первого дня во Дворце не осталось ни единого целого стакана.

К концу второго дня уже ощущался недостаток стульев.

А на третий день ребята принялись за стены.

Начали с верхнего этажа и, когда разрушили Дворец наполовину, почувствовали, что ужасно устали.

Тогда они побросали свои молотки и, покрытые пылью, словно солдаты Наполеона в песках Египта, разбрелись по домам и, не ужиная, легли спать.

Наконец-то они отвели душу — теперь им уже больше ничего не хотелось ломать!

Все стали вдруг такими аккуратными, такими прилежными и не ходили, а прямо порхали, словно бабочки.

И если бы их заставили играть на футбольном поле, уставленном хрустальными стаканами, то, уж поверьте мне, не разбили бы ни одного!

Бухгалтер Гамберони снова произвёл кое-какие расчёты и выяснил, что город Бусто Арсицио сэкономил два сверхмиллиона с какой-то мелочью.

А развалины Дворца — осталось ещё почти четыре этажа — городской совет отдал в распоряжение взрослых.

— Можете делать с ним что угодно! — предложил мэр.

И тогда ко Дворцу, который можно ломать, устремились разные сухощавые синьоры с кожаными портфелями под мышкой, бифокальными очками на носу и молотками в руках — всякие чиновники, нотариусы, служащие.

Каждый разбивал во Дворце что-нибудь, к примеру одну-две стены либо лестницу, и облегчённо вздыхал:

— Ах, как хорошо! Гораздо лучше, чем ссориться с женой из-за разбитой чашки!

Взрослые разрушали Дворец, который можно ломать, с таким удовольствием, что просто молодели на глазах.

Как выяснилось, это намного лучше, чем ронять пепельницы или тарелки из парадного сервиза, подаренного тётушкой Мириной!..

Словом, все отвели душу в этом Дворце.

А старому бухгалтеру Гамберони город Бусто Арсицио вручил в знак благодарности медаль с серебряной дыркой.

СТРАНА, ГДЕ ВСЕ СЛОВА НАЧИНАЮТСЯ С ПРИСТАВКИ «НЕ»

Да, Джованнино по прозвищу Бездельник слыл заядлым путешественником.

Путешествовал он, путешествовал и оказался ещё в одной удивительной стране, где все слова начинаются с приставки «не».

— Что же это за страна такая? — поинтересовался он у горожанина, который отдыхал в тени под деревом.

Горожанин вместо ответа достал из кармана перочинный ножик и протянул его на ладони Джованнино.

— Видишь?

— Вижу. Ножик.

— Ничего подобного! Это неножик, то есть ножик с частицей «не». Он служит для того, чтобы огрызки карандашей превращать в новые карандаши. Очень полезная вещь для школьников.

— Великолепно! — восхитился Джованнино. — А ещё что?

— А ещё у нас есть невешалка.

— То есть вы хотите сказать вешалка?

